

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 21

15 Ноября.

**ОРТОПЕДІЯ
и БАНДАЖИ**

Г. ШВАРТЦЕ,

бандажистъ и спеціалистъ по ортопедич. механикѣ.

Мясная, Маросейка (№ 15), д. Тушининой. ☎ Телефоны 98-20.

**МАГАЗИНЪ, МАСТЕРСКІЯ
и КАБИНЕТЫ ДЛЯ ПРИМѢРКИ.**

Къ услугамъ дамъ имѣется опытная женская особа.

Искусственныя ноги, руки. Ортопедическіе аппараты новой системы, какъ-то корсеты и шины (Hessing-Hoffa). Бандажи для грыжъ и бандажи брюшные всевозможныхъ системъ. Слуховыя трубки. Резиновыя чулки. Новѣйшіе аппараты для домашней гимнастики отъ 2 руб. до 125 руб. Разныя франц. и гигиеническія вещи.

БАРОМЕТРЫ отъ 5—25 руб.

ГРАДУСНИКИ.

ШОКОЛАДЪ

! ЭЙНЕМЪ !

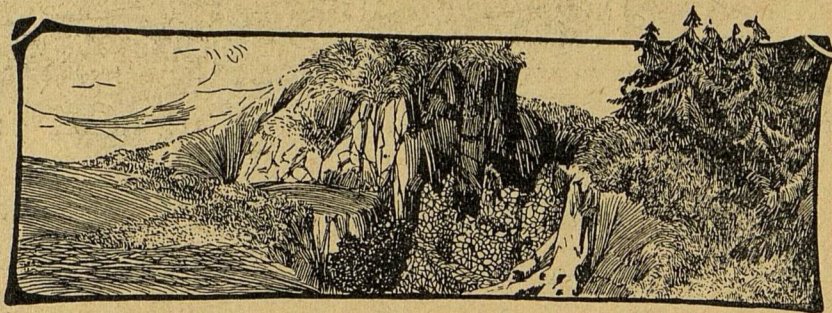

Атлѣмъ іръ

1908

№ 21. 15 Ноябрь.

Содержаніе: Стихотвореніе А. Кузнецова. — Въ глубь вѣковъ. П. Джунковскаго. (Продолженіе). — Сынъ моряка. — Ростъ деревьевъ. Л. Мищенко. — Отливка изъ гипса и металла. — Рисунки.

* *
*

Ясный полдень. Мнѣ въ оконце,
Лучезарно и тепло
Съ неба свѣтъ бросаетъ солнце,
И въ душѣ моей свѣтло.

Хмурый вечеръ. Тучей солнце,
Какъ броней, занесено...
Мракъ ползетъ ко мнѣ въ оконце
И въ душѣ моей темно.

Чутко я въ себѣ природу
Отражаю, точно тѣнь:
Грустно въ сердцѣ—въ непогоду,
И отраднo—въ ясный день.

Андрей Кузнецовъ.

Въ глубь вѣковъ

Таинственные приключенія европейцевъ 100.000 лѣтъ тому назадъ.

П. Джунковскаго.

(Продолженіе).

— И что же, думаете вы добыть себѣ этотъ охотничій нарядъ?

— Ну конечно! Неужели же вы полагаете, что меня можетъ остановить такая мелочь? Я не только рѣшилъ сдѣлать ей эту маленькую уступку, но даже нашелъ уже это самое „птичье дерево“, которое мнѣ указали здѣшніе ребяташки. А теперь, господа, я васъ оставляю, такъ какъ мнѣ пора отправляться въ свою экспедицію.

Братья отъ всего сердца пожелали уходящему гастроному успѣха, а сами, отдохнувъ еще немного, снова принялись за постройку своей печи. На этотъ разъ работать имъ пришлось только вдвоемъ, такъ какъ всѣ старшіе члены семейства пошли изслѣдовать ближайшую мѣстность, которая дѣйствительно наводнялась все новыми и новыми пришельцами...

— А знаешь ли что, Ганцъ? Мнѣ начинаетъ казаться, что хижины то намъ оканчивать не придется вовсе.

— Тебѣ это только кажется, а я увѣренъ въ этомъ уже съ сегодняшняго утра, и боюсь, что, не далѣе какъ дня черезъ два, наши хозяева уйдутъ вмѣстѣ съ другими, а сюда нахлынетъ новое племя. И еще неизвѣстно, какъ отнесется оно къ нашему пребыванію здѣсь. Я уже думалъ было бросить и работу печи, чтобы заняться плотомъ, но боюсь, что до дождя мы его не успѣемъ кончить, а послѣ дождя оста-

немся безъ огня,—ну, а безъ него я и представить себѣ не могу, какъ добывали бы мы необходимыя намъ бревна.

— А мнѣ, правду сказать, все-таки хотѣлось бы поглядѣть на это новое, таинственное племя, идущее теперь на смѣну тому, которое мы уже знаемъ.

— Ну, это, кажется, довольно опасное любопытство, по крайней мѣрѣ я, предпочелъ бы глядѣть на него уже съ другого берега „Большой Рѣки“, замѣтилъ Ганцъ. Вообще, я совѣтую тебѣ не особенно поддерживать дядю Карла въ его стремленіи къ научнымъ изслѣдованіямъ, такъ какъ положеніе наше, какъ ты и самъ видишь, съ каждымъ днемъ осложняется все болѣе и болѣе.

Разсуждая о своихъ затрудненіяхъ и продолжая усердно трудиться надъ сооруженіемъ очага, братья и не замѣтили, какъ промелькнулъ почти цѣлый часъ.

Вѣроятно они продолжали бы свою работу и дольше, если бы въ это время ихъ не окликнулъ проснувшійся и уже достаточно отдохнувшій профессоръ.

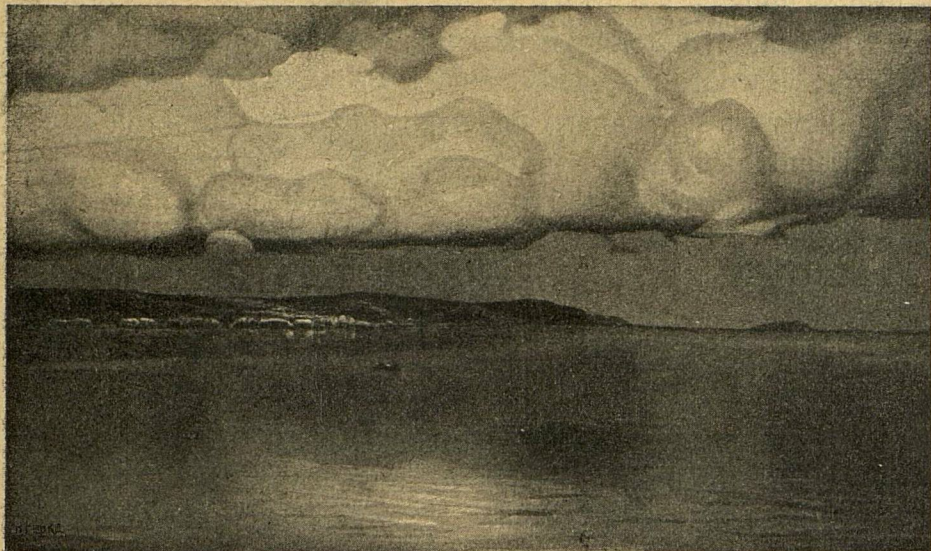
— Какъ господа, вы работаете только вдвоемъ, спросилъ онъ съ удивленіемъ, а гдѣ же остальные?

Молодые люди поспѣшили сообщить своему выпавшемуся дядюшкѣ все, что произошло во время его отдохновенія послѣ непосильныхъ геологическихъ трудовъ и не приминули, конечно, упомянуть и о предпріятіи Югана.

— А знаешь ли дядя, сказалъ Ганцъ, нашъ кулинаръ облекся въ нарядъ изъ листьевъ какого-то „птичьяго дерева“ и пошелъ добывать птичьи гнѣзда.

Какъ ни проста была, повидимому, эта фраза, но къ удивленію молодыхъ людей, она произвела на дядю Карла дѣйствіе страшнаго электрическаго удара, который почти на полъ-метра подкинулъ ученаго надъ его мягкой лиственной постелью.

Третьяковская галлерей въ Москвѣ.

Тише.

Карт. Н. Дубовскаго.

— Что ты говоришь!.. Юганъ въ листьяхъ „птичьяго дерева“... пошелъ за птичьими гнѣздами... вскричалъ онъ.

— Ну да! И, правду сказать, я рѣшительно не понимаю почему это приводитъ тебя въ такое удивленіе, отвѣчалъ Ганцъ.

— Какъ почему! Да поймите же, что вѣдь это онъ, стало быть, пошелъ жениться! съ необыкновеннымъ волненіемъ объявилъ профессоръ.

— Жениться!.. Да что ты, дядя, бормотали пораженные неожиданнымъ сообщеніемъ молодые люди.

— Полно дядя, вразумительно проговорилъ, наконецъ Бруно, и съ чего это только могла притти тебѣ въ голову такая мысль,—тогда какъ Юганъ просто хочетъ полакомить насъ за ужиномъ яичницей, вотъ и все.

— Яичницей!.. Хороша нечего сказать яичница, съ необыкновеннымъ азартомъ вопилъ профессоръ. Такъ знайте же господа, что брачная церемонія у этого народа именно въ томъ и состоитъ, что женихъ съ невѣстой, въ одеждахъ изъ листьевъ „птичьяго дерева“, вмѣстѣ достаютъ гнѣздо какойнибудь птицы.

Это открытіе подѣйствовало на молодыхъ людей ошеломляющимъ образомъ.

— Ну, Бруно, замѣтилъ Ганцъ, покачивая головой, дѣло то вѣдь становится плохо,—какъ бы бѣдняга и въ самомъ дѣлѣ не вернулся къ намъ въ чадѣ неожиданнаго семейнаго счастья.

— Да полно же тебѣ, Ганцъ, шутить, озабоченно замѣтилъ Курцъ, дѣло это вовсе не такъ смѣшно. Ссориться съ мѣстнымъ населеніемъ изъ за нарушенія ихъ обычаевъ намъ далеко не интересно, въ особенности въ такое смутное время, какъ теперь. Идемте, господа, можетъ быть намъ еще удастся помочь бѣдѣ.

Принявъ такое рѣшеніе, всѣ трое, немедля ни минуты, отправились по тому направленію, по которому часъ тому назадъ ушелъ Юганъ, совершенно неподозрѣвавшій, что вернуться назадъ ему суждено, можетъ быть, уже женатымъ человѣкомъ. Ганцъ почти не надѣялся отыскать его въ этомъ огромномъ лѣсу, однако судьба видимо благопріятствовала нашимъ друзьямъ, такъ какъ не успѣли они пройти и полкилометра, какъ до слуха ихъ долетѣли уже звуки тяжелаго бѣга ихъ товарища, а черезъ минуту изъ за ближайшихъ кустарниковъ появился и самъ Юганъ. Видъ онъ имѣлъ необыкновенно жалкій, одежда его была въ полномъ безпорядкѣ, на лицѣ выражалось явное отчаяніе, а отъ усталости онъ едва держался на ногахъ.

— О господа, какъ я радъ что встрѣтилъ васъ нако-

нецъ! Боже ты мой, что это за женщина, что за ужасная женщина! Повѣрите ли господа, вѣдь она хотѣла на мнѣ жениться!

— Неужели, шутливо замѣтилъ Ганцъ, но вы, конечно, не захотѣли выйти за нее замужъ.

— Да перестань же, наконецъ, шутить, нетерпѣливо прервалъ его профессоръ, ну, а вы, любезнѣйшій, извольте-ка рассказать намъ, что же собственно съ вами случилось.

— Ахъ, я право и самъ хорошенько этого не знаю, отвѣчалъ Іоганъ, еле переводя духъ; но идемте, господа, поскорѣе отсюда, я все расскажу вамъ дорогой, продолжалъ онъ, увлекая своихъ друзей.

— Изъ словъ этого неосмотрительнаго человѣка, строго заговорилъ Курцъ, обращаясь къ племянникамъ, я вижу, что въ этомъ дѣлѣ дѣйствительно замѣшана женщина.

— Но увѣряю васъ, г. профессоръ, что сначала она держала себя очень прилично и даже, въ концѣ концовъ, согласилась полѣзть за гнѣздомъ одна, хотя настойчиво увѣряла меня, что, по обычаю, мы должны отправиться туда вмѣстѣ.

И вотъ, вообразите себѣ, спускается она съ дерева съ гнѣздомъ, въ которомъ было, пожалуй, около десятка яицъ. Конечно, я кидаюсь къ провизіи и... что же бы вы думали!.. Она передъ самымъ моимъ носомъ бросаетъ все это на землю и заключаетъ меня въ свои объятія!

— Неужели же она, не говоря худого слова, рѣшилась поступить съ вами такъ жестоко?—съ притворнымъ участіемъ спросилъ Ганцъ.

— Напротивъ того, она сопровождала это очень худыми словами, такъ какъ очень увѣренно объявила: „теперь, о прекрасный круглый человѣкъ... (я повторяю это только для того, чтобы точно передать ея собственное выраженіе)

теперь, о прекрасный круглый человекъ, я вижу, что ты хочешь быть моимъ мужемъ "... Ну можете ли вы представить себѣ мое положеніе! Одинъ, въ глухомъ лѣсу, съ этой ужасной допотопной невѣстой, которая, очевидно, во что бы то ни стало рѣшила на мнѣ жениться...

— Но вѣдь вы же сами во всемъ виноваты, несчастный, воскликнулъ Курцъ, поймите же, что весь вашъ походъ за птичьими гнѣздами, который вы же предложили этой женщинѣ, есть ничто иное какъ брачный обрядъ этого племени.

При этомъ ошеломляющемъ сообщеніи бѣдный Іоганъ даже споткнулся на совершенно гладкомъ мѣстѣ.

— Боже ты мой, какое роковое совпаденіе... Но клянусь вамъ, г. профессоръ, что у меня и въ мысляхъ ничего не было, кромѣ яичницы!

— Вотъ по этой то причинѣ, вѣроятно, все и произошло, сурово проговорилъ Курцъ. Однако будемъ надѣяться, что на этотъ разъ ваше сумасбродство не будетъ имѣть особенно дурныхъ послѣдствій; но помните, что шутить такими вещами не всегда безопасно. Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ не особенно болтать о вашихъ подвигахъ въ присутствіи нашихъ хозяевъ. А теперь перемѣните-ка вашъ подвѣчный нарядъ на обыкновенные листья.

Когда Іоганъ, совершенно подавленный всѣмъ случившимся, былъ приведенъ братьями въ надлежащій порядокъ, всѣ поспѣшили къ мѣсту постройки и бѣдный малый принялся за возведеніе очага съ молчаливой покорностью. Этотъ роковой случай сразу лишилъ его того нравственного превосходства, которое онъ приобрѣлъ было сегодня утромъ надъ своимъ патрономъ.

Къ вечеру, благодаря неутомимой дѣятельности братьевъ, очагъ кое какъ былъ оконченъ, а надъ нимъ была возведена даже небольшая труба.

Третьяковская галлерея въ Москвѣ.

Веселая компанія.

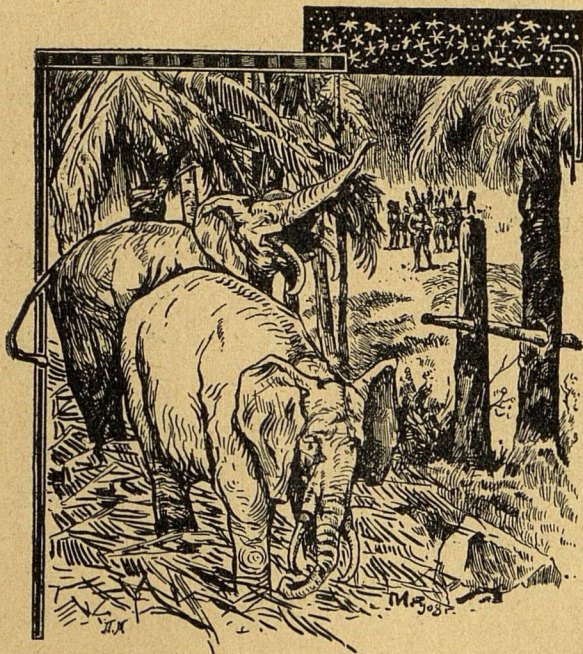
Карт. Ржевской.

Европейцы сейчасъ же развели тамъ огонь и скоро дымъ, смѣшанный съ парами, густыми клубами повалилъ изъ этой нехитро сложенной печи.

Вскорѣ затѣмъ возвратились и хозяева, ходившіе ознакомиться съ состояніемъ окрестностей. Принесенныя ими свѣдѣнія были къ, сожалѣнію, очень не утѣшительны. Каза-лось, будто бы съ сѣвера вдругъ поднялась вся страна и, побуждаемая какой то еще невидимой силой, двинулась на югъ, затопляя переселенцами всю округу. Мѣстные жители начинали уже тревожиться не на шутку, что легко было замѣтить по тому безпокойству, которое проявлялось среди семьи, оказавшей такое радушное гостепріимство нашимъ путешественникамъ.

— Никогда не видалъ я на этомъ мѣстѣ столько людей, сколько пришло ихъ сюда теперь, уныло и съ какимъ то недоумѣніемъ произнесъ хозяинъ. А эти люди говорятъ, что тамъ, откуда они пришли, ихъ еще больше... О, я никогда не думалъ, что человѣкъ можетъ мѣшать жить другому чело-вѣку.

ГЛАВА IX.

Изобрѣтательность Югана. Между двухъ племень.

а другой день вся семья туземцевъ со включеніемъ даже дѣтей отправилась за пополненіемъ запаса плодовъ. Ими были захвачены съ собою всѣ

корзины, такъ какъ они намѣревались на всякій случай сдѣлать особенно большой запасъ провизіи.

Такимъ образомъ европейцы остались одни и, собравшись возлѣ небольшого костра, разсуждали о томъ, за какую работу слѣдуетъ имъ теперь приняться.

— Очагъ уже оконченъ, замѣтилъ Бруно, а хижины по моему рѣшительно не стоитъ кончать, такъ какъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что хозяева наши не сегодня завтра покинутъ эту мѣстность.

— Если здѣсь кому нибудь интересно мое мнѣніе, робко промолвилъ Юганъ, державшій себя послѣ женитьбы уди-

вительно скромно, если вы, господа, желаете знать мое мнѣніе, то я посовѣтывалъ бы вамъ выстроить лодочку, на которой мы могли бы поскорѣе переплыть рѣку. Строить плотъ по-моему очень затруднительно и долго, а лодочку соорудить можно скорѣе и легче.

Трудно себѣ представить какое впечатлѣніе произвело это предложеніе на его товарищей. Конечно, они подумали бы, что это не болѣе какъ неумѣстная шутка, если бы не его искренній и даже немного заискивающий тонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно было серьезно говорить о сооруженіи лодки, для постройки которой требовались уже нѣкоторые инструменты, когда устраивать даже простой плотъ имъ приходилось только при помощи одного огня.

— Ужъ не думаете ли вы, предложить намъ выжечь лодку изъ цѣльнаго бревна? попробовалъ догадаться Ганцъ, но вѣдь какъ ни простъ этотъ пріемъ, а все же онъ требуетъ кое какихъ инструментовъ, а самое главное онъ требуетъ очень много времени.

— Оставьте его въ покоѣ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ замѣтилъ Курцъ, ужъ это навѣрное окажется чѣмънибудь вродѣ вчерашней яичницы.

— Извините меня, г. профессоръ, почтительно отвѣчалъ Іоганъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ обиднаго намека, извините меня, но на этотъ разъ я имѣлъ въ виду ваши собственные научныя указанія по этому предмету.

— Мои собственные указанія? Но любезнѣйшій, если бы я могъ ихъ сдѣлать, то, конечно, сдѣлалъ бы это и безъ вашего посредства...

— Мнѣ кажется, г. профессоръ, что вы изволите смѣшивать знаніе съ мудростью, принимая ихъ одно за другое, тогда какъ это двѣ совершенно различныя вещи. Знающій

человѣкъ самъ можетъ быть пораженъ, когда увидить, какое примѣненіе его знаній сдѣлаетъ передъ его глазами истинный мудрецъ.

— Ужъ не пробираетесь ли вы сами, любезнѣйшій, въ эти самые истинные мудрецы, раздраженно спросилъ ученый.

— Всякій долженъ дѣлать, что можетъ, съ прежней скромностью отвѣчалъ Іоганъ.

— А нельзя ли, господа, отложить ваши пререканія минутъ на пять, пока мы не узнаемъ, наконецъ, сущности этого таинственного плана, нетерпѣливо замѣтилъ Ганцъ.

— Извольте, хотя я повторяю, что личная моя изобрѣтательность тутъ не причемъ. И такъ, можетъ быть, всѣ вы помните, господа, какъ однажды, въ прекрасную лунную ночь, на палубѣ англійскаго парохода, который везъ насъ съ Маршалскихъ острововъ на островъ Суматру, всѣ мы очень внимательно слушали вашего ученаго дядюшку, рассказывавшаго намъ о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ дикарей, которыхъ мы, къ нашему благополучію, не успѣли посѣтить. И вотъ тогда, между прочимъ, онъ упомянулъ о лодкахъ, которыя плетутся подобно корзинамъ, а затѣмъ обмазываются смолою, смѣшанною съ глиной.

— О Іоганъ, Іоганъ, восторженно прервалъ его Ганцъ, признаю въ васъ величайшаго мудреца, такъ какъ вы дѣйствительно великолѣпно рѣшили наше затрудненіе. Ну, дядя, что же ты скажешь теперь въ свою защиту, чѣмъ объяснишь ты то, что, зная такой простой способъ помочь нашей бѣдѣ, ты до сихъ поръ не сообщилъ намъ его.

— Но вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ я рассказалъ его всѣмъ вамъ, такой же вопросъ можно задать и каждому изъ васъ, а въ томъ числѣ и самому премудрому Іогану, который только первымъ вспомнилъ объ этомъ, вотъ и все. Думаю, что гордиться ему тутъ рѣшительно нечѣмъ.

— Да я и не думаю вовсе гордиться, тѣмъ болѣе, что и на воспоминаніе объ этомъ навели меня, опять таки, вы сами, такъ какъ въ то время, когда ваши племянники переносили васъ черезъ воду въ корзинѣ, вы очень живо напомнили мнѣ Моисея, который въ дѣтствѣ плавалъ въ такой же точно посудинѣ, ну, а ужъ тутъ недалеко было додуматься и до плетеной лодки.

— Ну, какъ бы то ни было, а мысль эта дѣйствительно великолѣпна, замѣтилъ Бруно.

— Тѣмъ болѣе, что на это сооруженіе можетъ пойти матеріалъ, заготовленный для хижины.

— Но не боитесь ли вы, что ваша глиняная обмазка раскиснетъ гораздо скорѣе, чѣмъ мы успѣемъ перебраться на ту сторону рѣки,—вѣдь дикари, о которыхъ я говорилъ употребляютъ не одну глину, но также и смолу.

— Не думаю, дядя, такъ какъ намъ для переправы понадобится не болѣе пяти минутъ, а за это время глина конечно не успѣетъ размокнуть; хотя все же лучше предвидѣть худшее и постараться предотвратить эту непріятность, для чего по-моему можно будетъ защитить слой глины, покрывъ его снаружи листьями.

— Совершенно вѣрно, согласился Бруно. И такъ наше возвращеніе, благодаря знанію дяди и мудрости Югана, становится дѣломъ очень недалекаго будущаго.

Не станемъ же терять понапрасну времени и сейчасъ же приступимъ къ постройкѣ плетеной ладьи.

Слѣдуя этому совѣту, всѣ съ большимъ рвеніемъ принялись за работу, за исключеніемъ дяди Карла, не особенно довольнаго столь поспѣшнымъ отъѣздомъ, и уже къ обѣду остовъ лодки обозначился довольно опредѣленно. Строители задались очень скромными желаніями. Они рѣшили сплести, собственно говоря, большую корзину оваль-

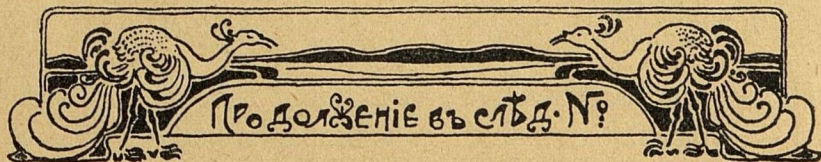
ной формы, метра въ три съ половиною длины, въ одинъ метръ ширины и въ полметра глубины.

Наконецъ Іоганъ объявилъ, что солнце стоитъ уже въ зенитѣ, а потому пора подумать и объ обѣдѣ.

— Странно, сказалъ Бруно, неужели наши хозяева до сихъ поръ не могли окончить своей работы; я рассчитывалъ, что къ обѣду они уже вернутся.

— Почему знать, можетъ быть они и совсѣмъ уже не возвратятся, замѣтилъ Ганцъ, и, правду сказать, меня это немного тревожить; я бы желалъ, чтобы они помедлили бы со своей эмиграціей еще, хотя бы денька два, три, что дало бы намъ возможность окончить нашу работу подъ ихъ защитой...

Между тѣмъ Іоганъ притащилъ корзинку, въ которой еще оставался запасъ плодовъ, и всѣ принялись за свой скудный обѣдъ. Впервые европейцы обѣдали здѣсь сами, и отсутствіе туземцевъ почему то тревожило ихъ. Какъ дѣти, оставленные отлучившейся нянькой, они вдругъ почувствовали какое то безпокойство и это чувство еще больше обострило въ нихъ желаніе поскорѣе добраться до своей пещеры, а потому послѣ обѣда всѣ еще съ большимъ жаромъ принялись за постройку своего оригинальнаго суденышка.

Сынъ моряка.

Гервей Гленанъ, собственникъ и капитанъ „Смѣльчака“, сидѣлъ въ своей комнатѣ у высокаго окна и сквозь стекла смотрѣлъ на бушующее, грозное море. Шелъ проливной дождь, вѣтеръ все рвалъ и металъ на своемъ пути. Что за грустный апрѣльскій день! Но Гленанъ словно радовался этой бурѣ, и, наблюдая за моремъ, которое вздымалось могучими, бѣшенными волнами, говорилъ въ полголоса:

— „Тѣмъ лучше!“

Ему нужна была такая непогода для осуществленія намѣченного плана.

Дѣло происходило на сѣверѣ Франціи, въ приморскомъ городкѣ С. Мало, въ 1696 г., Франція и Великобританія вели въ это время ожесточенную войну на морѣ.

У самага входа въ гавань С. Мало стояла большая вражеская эскадра, всегда готовая къ нападенію на французскіе корабли, если бы послѣдніе пожелали выйти въ открытое море.

Капитанъ „Смѣльчака“, воевавшій за свой собственный рискъ и страхъ, былъ человѣкъ необыкновенной отваги, онъ поклялся захватить море въ свои руки, обмануть бдительность англичанъ, сбить ихъ съ толку и затѣмъ, соединившись со своимъ пріятелемъ Жаномъ Бартомъ, нанести окончательное пораженіе сѣвернымъ сосѣдямъ.

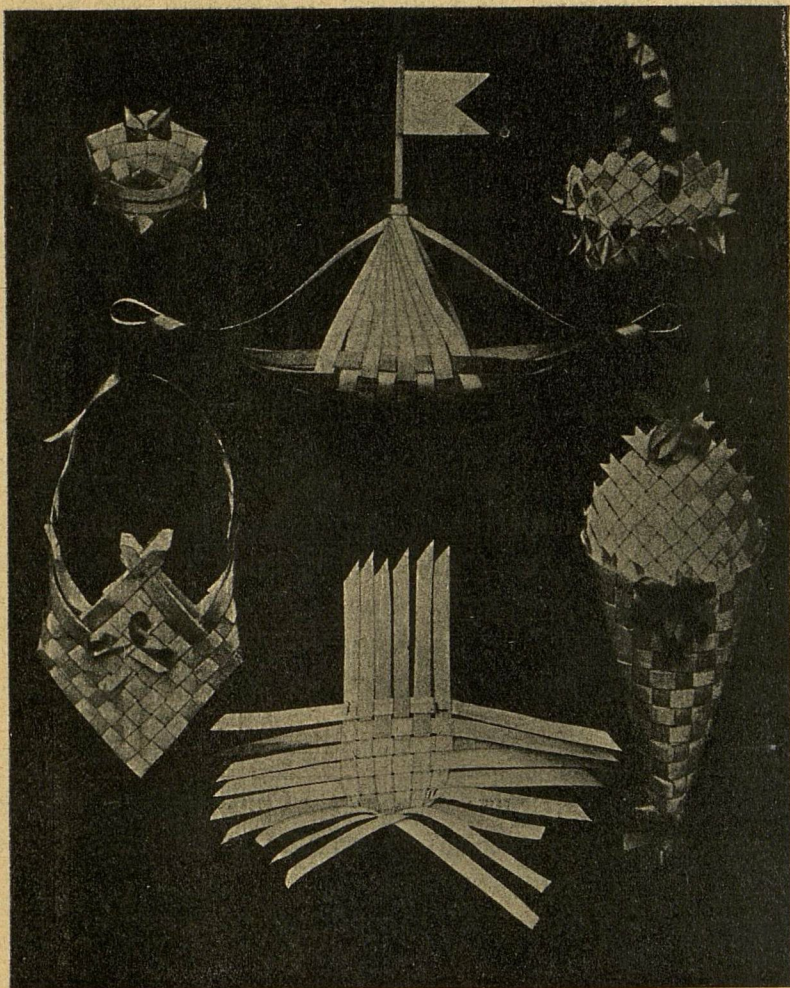

Рис. къ статьѣ „Плетеніе“ изъ *Энциклопедич. Словаря*, котор. получаютъ подписчики „Дѣтскаго Мира“ въ 1909 году.

И вотъ почему Гервей Гленанъ, смотря на свирѣпья волны, говорилъ про себя: „тѣмъ лучше!“ Онъ намѣревался сняться съ якоря съ наступленіемъ ночи и, пользуясь тьмой и ураганомъ, проскользнуть незамѣтно мимо англичанъ. Онъ

предупредилъ своихъ матросовъ; послѣдніе, въ числѣ ста десяти человѣкъ неустрашимыхъ молодцовъ, были готовы къ отплытію.

Гервей Гленанъ затѣвалъ, безъ сомнѣнія, опасную игру, бросая одновременно дерзкій вызовъ разъяреннымъ волнамъ и сильному флоту; силы были далеко не равны и трудно, казалось бы, маленькому судну, незначительному, неприспособленному къ морскимъ сраженіямъ, устоять противъ пушекъ и напора волнъ. Но мысль эта не смущала Гервея Гленана, онъ оставался такимъ же спокойнымъ, какъ будто ему предстояло провести ночь въ своей спальнѣ.

Сидя у окна въ ожиданіи отплытія, онъ вдругъ услышалъ, какъ сзади него отворилась дверь. Обернувшись, онъ увидѣлъ у порога своего сына, красиваго пятнадцатилѣтняго юношу; онъ былъ весь въ черномъ, нося трауръ по матери, которую недавно потерялъ. Мальчикъ нерѣшительно подвигался впередъ. Подойдя, наконецъ, къ отцу, онъ поднялъ на него взглядъ, полный страха и любви, а затѣмъ, еле слышно, произнесъ:

— „Отецъ!..“

Взволнованный, онъ замолкъ. Онъ боялся холодныхъ глазъ отца и рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, рѣшался съ нимъ говорить..

Наступило тягостное молчаніе; его прервалъ Гервей Гленанъ.

— Что тебѣ нужно, Марсель?

— Мнѣ сказали, что сегодня въ ночь „Смѣльчакъ“ снимется съ якоря...

— Ну, да... И что же?

— Такъ...

Новое молчаніе. Мальчикъ покраснѣлъ, опустилъ голову, пошелъ по направленію къ двери, словно испугавшись самъ

того, что собирался сказать. Потомъ, собравшись съ силами и преодолевъ волненіе, онъ громко крикнулъ:

— „Возьмите меня съ собою!“

Отецъ нахмурился, насупилъ брови и покачиваніемъ головы отвѣтилъ „нѣтъ“.

— Почему нѣтъ?—спросилъ Марсель.

— Потому что я совсѣмъ не знаю, какъ ты себя будешь вести въ такое опасное время.

— Съ достоинствомъ!—коротко отвѣтилъ сынъ.

— Ты не имѣешь никакого представленія объ ужасахъ сраженій: картечь свиститъ въ воздухъ; мачты гнутся, трещатъ, падаютъ, горючіе матеріалы воспламеняются, огонь проникаетъ въ складочную каюту... Всюду смерть.

— И слава.

— Вѣрно!.. Но сколько еще другихъ опасностей грозитъ морякамъ! Буря, напимѣръ. Да, вотъ посмотри!

Онъ открылъ окно, указывая на грозныя, пѣнистыя волны.

— Мое судно будетъ этой ночью носиться по яростнымъ волнамъ; насъ всѣхъ, экипажъ и меня, будетъ обдавать потоками воды, и право, не весело стоять въ глубокомъ мракѣ на палубѣ корабля, по которой безпрепятственно ходятъ волны... Если бы тебѣ довелось быть съ нами, то ты, конечно, не выдержалъ бы и струсилъ. И тогда, какой позоръ для насъ обоихъ! Всѣ матросы хоромъ кричали бы вокругъ: „Его сынъ боится“. Нѣтъ, ни за что! Дѣло рѣшено: ты со мной не поѣдешь, я тебѣ запрещаю объ этомъ думать. Ты вѣдь совсѣмъ еще ребенокъ, твое время еще впереди!

— Въ мои годы, отецъ, вы уже побывали въ Индіи и уже участвовали въ трехъ побѣдахъ.

Гервей Гленанъ пожалъ только плечами.

— Моя воля непреклонна. Простись со мной и уходи. Бѣдный мальчикъ чуть было не расплакался.

— И такъ, — думалъ онъ, — меня считаютъ за труса; и меня оставляютъ здѣсь, на берегу, между тѣмъ, какъ всѣ мои самыя пламенные мечты несутся къ морю. У меня одно желаніе: быть морякомъ!

Онъ ушелъ отъ отца оскорбленный, обиженный. Дождь пересталъ. Не желая показать своего горя прислугѣ, онъ вышелъ на улицу и грустно побрелъ по городу; не отдавая себѣ отчета куда онъ идетъ. Марсель совершенно случайно направился къ гавани, пошелъ вдоль набережной и хотѣлъ было спуститься къ молу, довольно далеко выступавшему въ море.

— Не ходите туда! — закричалъ ему кто-то.

Онъ повернулся и увидѣлъ лоцмана Бастена, котораго онъ давно зналъ и любилъ. Послѣдній направлялся домой съ трубкою въ зубахъ и крѣпко держалъ въ рукѣ только что купленную имъ веревку.

— Не ходите туда! — повторилъ онъ, волны то и дѣло, перескакиваютъ черезъ плотину. И что за волны! Онѣ васъ снесутъ, какъ соломинку!

При этихъ словахъ громадный, страшный валъ ударился о каменный молъ, покрылъ его густой бѣлой пеной и ушелъ назадъ съ ужаснымъ стономъ и ревомъ.

— Вотъ видите! — сказалъ лоцманъ. Кто бы могъ удержаться! Идите-ка домой, послушайте меня. Скоро темно станетъ!

Бастенъ пошелъ дальше... Вдругъ онъ остановился, съ любопытствомъ всматриваясь въ морскую даль.

— Что вы смотрите? Что вы тамъ видите? — спросилъ его юноша.

— Рыбачью лодку.

Образецъ иллюстр. къ сочин. Сельмы Лагерлефъ, котор. будутъ даны читателямъ „Дѣтскаго Мира“ въ 1909 г. въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ.

— Рыбачью лодку въ такую погоду?.. И то вѣрно, я тоже ее теперь вижу. Боже, какъ ее качаетъ! Какой сумасшедшій могъ отважиться въ такую погоду?

— Должно быть, это старый Плу-Жильдасъ. Я узнаю его лодку; она ничего не стоитъ, а онъ и того меньше. Онъ совершенно одинокъ; у него нѣтъ ни родныхъ, ни друзей. Съ ранняго утра онъ уже пьянъ, а разъ онъ выпивши, онъ способенъ на все, даже выѣхать на рыбную ловлю въ такую погоду.

— Онъ, словно, приближается къ берегу?

— Да, онъ старается пристать. Вотъ онъ подплылъ къ той сторонѣ мола, онъ долженъ теперь повернуть, но вѣтеръ и теченіе помѣшаютъ ему. Смотрите, онъ сейчасъ пойдетъ ко дну! Будетъ чудо, если онъ уцѣлѣетъ, но...

Но шквалъ набѣжалъ на бѣдную ладью, которая, очерпнувъ воды и сильно наклонившись, опрокинулась. Плу-Жильдась очутился въ водѣ. Онъ находился, собственно говоря, недалеко отъ мола. Подплывъ еще ближе къ высокой каменной стѣнѣ, старикъ ловко ухватился за желѣзное кольцо, прикрѣпленное въ ея нижней части, и въ такомъ положеніи старался держаться на поверхности воды. Волны то подбрасывали его, то снова опускали въ пучину.

Бастень сказалъ:

— Онъ погибъ. Чтобы спасти его, есть только одно средство: добѣжать до конца мола и оттуда бросить ему веревку. Но все равно не сдобровать храбрецу, который рѣшился бы притти къ нему на помощь; при первомъ порывѣ вѣтра его снесетъ въ море.

— Нельзя же, однако, оставить человѣка безъ помощи и обречь его на вѣрную смерть.

— Сударь, у меня жена и пять маленькихъ дѣтей, я всѣмъ имъ нуженъ, а Плу-Жильдась ненуженъ никому: онъ одинокъ. Мой долгъ—не покидать моего мѣста.

— А мой долгъ—итти туда.

Марсель вырвалъ изъ рукъ лоцмана веревку и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать. Онъ не бѣжалъ, а летѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ достигъ конца мола, гдѣ принялся обвязывать веревку вокругъ высокой мачты, служившей маякомъ мореплавателямъ. Не успѣлъ онъ еще какъ слѣдуетъ укрѣпить канатъ, какъ громадная волна обдала его съ ногъ до головы. Чтобы не упасть, Марсель ухватился за мачту; онъ устоялъ, но ударъ оглушилъ его. Однако онъ не растерялся и, какъ только вода сбѣжала и юноша привелъ себя немного въ порядокъ, онъ еще поспѣшнѣе принялся за работу. Привязавъ одинъ конецъ веревки крѣпко крѣпко къ столбу, онъ бросилъ другой старику и крикнулъ:

— Взбирайтесь!

Рыбакъ старательно карабкался. Марсель тащилъ веревку, напрягая всѣ свои мускулы. Но энергія перваго была истощена, въ другомъ же было больше отваги, нежели силы! Къ счастью для обоихъ четыре могучія руки вдругъ ухватились за канатъ, и потерпѣвшій крушеніе старикъ былъ вытащенъ на берегъ. Кто ему помогъ? Бастень и Гервей Гленанъ. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, лоцманъ побѣждалъ за своимъ молодымъ другомъ, а отецъ, шедшій на корабль, видѣлъ мимоходомъ всю эту сцену и, понятно, поспѣшилъ на помощь. Бастень повелъ старика. Капитанъ схватилъ Марселя за руку: они вмѣстѣ прошли вдоль плотины и благополучно выбрались на набережную.

— Ну, счастливо же ты отдѣлался, Плу-Жильдасъ! поблагодари молодого господина, безъ него ты бы погибъ!

— Спасибо! — заикаясь, сказалъ старикъ.

А капитанъ въ это время не спускалъ глазъ съ сына:

— На кого ты похожъ, — сказалъ онъ наконецъ. Иди скорѣй домой, переодѣнься и потомъ...

Онъ задумался, затѣмъ добавилъ:

— А затѣмъ приходи на „Смѣльчака“. Ты храбрый малый, я беру тебя съ собою.

Меньше, чѣмъ черезъ часъ, судно снялось съ якоря. Въ полночь, въ самый разгаръ бури, среди непроницаемой тьмы, корабль счастливо прошелъ мимо вражескаго флота, унося Марселя на подвиги, доставившіе ему вскорѣ неуваждаемую славу.

Ростъ деревьевъ.

Въ нѣкоторыхъ школахъ особенно въ мѣстностяхъ, уже обнаженныхъ отъ мѣстнаго лѣснаго покрова, входитъ понемножку въ обычай устраивать школьныя посадки деревьевъ. Чудный обычай этотъ получилъ широкое распространеніе въ американскихъ школахъ.

Тамъ общество сумѣло оцѣнить важное воспитательное значеніе ежегоднаго „дня деревьевъ“ для подрастающаго поколѣнія. Тамъ не жалѣютъ денегъ, чтобы сдѣлать этотъ рабочій день дѣйствительно праздникомъ для дѣтей, полнымъ поэзіи и смысла.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ „дни деревьевъ“ сдѣланы уже значительныя для даннаго числа учащихся въ школѣ посадки, дни древо-насажденія замѣняются днями охраны деревьевъ. Учащіеся тщательно осматриваютъ посаженные въ предыдущіе годы деревья и производятъ всѣ необходимыя работы по уходу за ними.

Во многихъ семьяхъ, и у насъ, до сихъ поръ сохранился старинный обычай при рожденіи каждаго ребенка садить деревцо его имени, за которымъ впослѣдствіи и долженъ ухаживать самъ юный хозяинъ. Къ сожалѣнію, не всѣмъ доступно это славное обыкновеніе—не всѣ же имѣютъ свои собственные сады и парки.

Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, какъ, напримѣръ, въ военной Сень-Сирской школѣ, и сейчасъ показываютъ отдѣльныя деревца и цѣлыя аллеи имени знаменитыхъ учениковъ—генераловъ, маршаловъ, ученыхъ, писателей.

Особенною страстью сажать деревья на топкой или песчаной, съ передвигающимися дюнами, почвѣ окрестностей Петербурга и береговъ Финскаго залива отличался императоръ Петръ I. Много дубовъ, липъ и другихъ деревьевъ извѣстны теперь подъ именемъ

„петровскихъ“ и часто сохраняются нынѣ, какъ историческія воспоминанія.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Петръ I скончался 28 января 1725 года.

Какъ же растутъ деревья?

Чѣмъ они отличаются отъ травъ и кустарниковъ?

Деревянистыя растенія отличаются тѣмъ, что ихъ корни и стебли состоятъ изъ деревенѣющихъ тканей, способныхъ переживать болѣе или менѣе длинный рядъ лѣтъ. Ученый Кернеръ считаетъ за опредѣленный предѣльный возрастъ для тисса и кипариса 3000 лѣтъ; для каштана, дуба и ливанскаго кедра — 2000 лѣтъ; для ели — 1200 лѣтъ; для кедра сибирскаго — 500 — 700; для липы — 1000 лѣтъ; для лиственницы — 600 лѣтъ; для сосны — 570; для тополя серебриста-

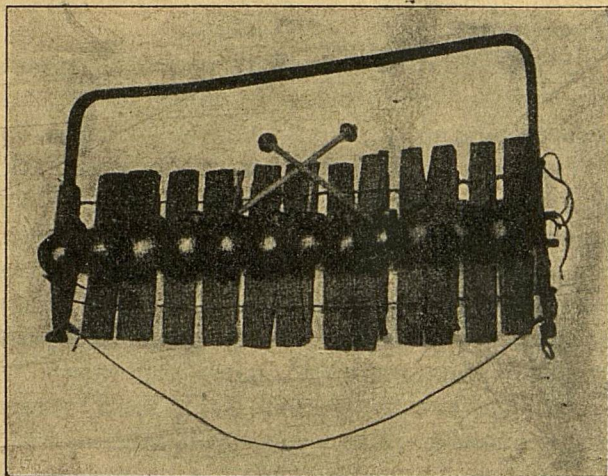

Рис. къ ст. „Музыка у разныхъ народовъ“ изъ Энциклоп. Словаря, котор. получаютъ читатели „Дѣтскаго Мира“ въ 1909 году.

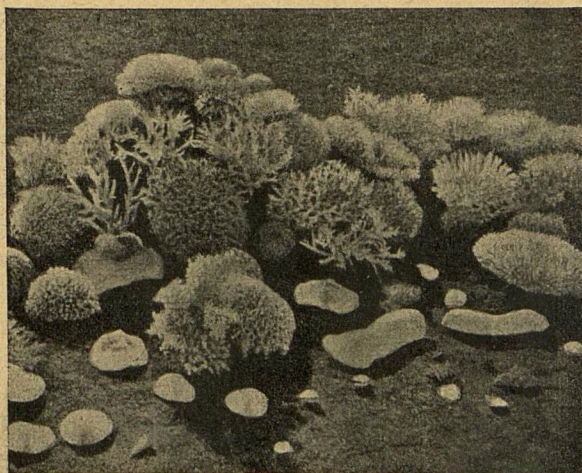

Рис. къ ст. „Кораллы“ изъ Энциклоп. Словаря, который получаютъ читатели „Дѣтскаго Мира“ въ 1909 году.

го — 500 лѣтъ; для бука—300 лѣтъ; для ясеня — 200—300 лѣтъ, наконецъ, для граба — 150 лѣтъ.

Вообще же надо сознаться, что деревянистыя растенія не отличаются какими-либо существенными чертами отъ растений травянистыхъ, ибо одно и то же растеніе подъ вліяніемъ климата и даже культуры (ухода) можетъ быть травянистымъ или деревянистымъ. Такъ, напримѣръ, обыкновенная резеда (по-латыни—*Reseda odorata* *), будучи однолѣтнею травою, превращается въ многолѣтній кустарникъ, если не допускать ее до цвѣтенія и образованія плодовъ.

Полукустарники, кустарники, деревца, деревья отличаются другъ отъ друга еще менѣе. Многія растенія постоянно являются то въ видѣ кустарниковъ, то въ видѣ деревьевъ; примѣромъ могутъ служить многіе русскіе ивняки (*salit*) и, въ частности, одна изъ нашихъ самыхъ обыкновенныхъ ивъ (*salit fragilix*).

Дерево—является самымъ явственнымъ, отчетливо выраженнымъ типомъ деревянистаго растенія. Обычно деревомъ называютъ—деревянистое растеніе съ очищеннымъ отъ сучьевъ въ нижней части, ясно выраженнымъ главнымъ стволомъ и кроною, или вершиною, образуемою изъ сучьевъ и вѣтвей въ верхней части.

Если растеніе развѣтвляется отъ самаго основанія на вѣтви приблизительно равной величины, то это—кустарникъ.

Деревцомъ называется такое дерево, которое немногимъ превосходитъ человѣческой ростъ.

Полукустарникъ есть такой кустарникъ, верхушки вѣтвей котораго остаются травянистыми и отмираютъ.

Какъ же растутъ деревья и почему за ними надо ухаживать?

За исключеніемъ деревьевъ однодольныхъ и пальмъ, стволы другихъ деревьевъ—двудольныхъ и голосѣмянныхъ—всегда утолщаются съ году на годъ или непрерывно въ теченіе всей ихъ жизни. Климатъ, свойства почвы, отѣненіе, то-есть тѣнь или солнце, уходъ за деревьями, болѣзни, нападенія насѣкомыхъ—все это имѣетъ громадное вліяніе на ростъ дерева и толщину его годичныхъ слоевъ. Смерть деревьевъ зависитъ, большею частію, отъ вліянія внѣшнихъ неблагоприятныхъ причинъ.

*) Въ естественныхъ наукахъ приняты для растений и животныхъ точныя латинскія названія. Л. М.

Какая же польза отъ деревьевъ? Какая цѣль ихъ разведенія?

Дерево служитъ предметомъ садоваго, парковаго и лѣснаго хозяйства, причемъ, сообразно съ цѣлями и характеромъ этихъ типовъ хозяйства, измѣняется и уходъ за деревомъ. Садоводъ заботится о возможно большемъ развитіи у деревьевъ цвѣточныхъ частей для полученія съ него цвѣтовъ (цвѣтоводство, особенно оранжерейное), или плодовъ (плодоводство), причемъ и форма дерева, или его наружный видъ, примѣняется къ этимъ же требованіямъ.

Наоборотъ, въ парковомъ хозяйствѣ къ дереву предъявляются совсѣмъ иныя требованія, соотвѣтственно назначенію парка, для одного лишь гулянья и украшенія данной мѣстности, или же для охотничьихъ цѣлей — содержанія въ немъ пернатой и четвероногой дичи (англійскіе парки, Бѣловѣжская пуша).

Наконецъ, лѣсное хозяйство имѣетъ въ виду лѣсъ для топлива и лѣсъ строевой для судовъ, домовъ, шпалъ на желѣзныхъ дорогахъ, телеграфныхъ столбовъ и тому подобныхъ цѣлей и предметовъ. Здѣсь главную роль играютъ кора или древесина и ихъ качества. Съ хвойныхъ деревьевъ собираютъ также живицу, или древесную смолу.

Въ лѣсномъ хозяйствѣ нѣкоторыхъ мѣстностей деревья насаждаются и выращиваются съ особою специальною цѣлью—борьбы съ трещинами почвы, съ оврагами, для искусственнаго привлеченія и сохраненія влаги, съ цѣлью защиты окрестностей отъ заноса сыпучимъ пескомъ (въ дюнахъ), защиты отъ опустошеній, причиняемыхъ горными потоками, защиты желѣзнодорожныхъ путей отъ снѣжныхъ заносовъ и такъ далѣе.

Вотъ какимъ цѣлямъ служатъ деревья и какую пользу приносятъ они человѣку!..

— „Помните, — говоритъ американскій писатель Маннингъ въ своей статьѣ объ охранѣ деревьевъ, что гораздо лучше установить постоянный присмотръ и разумный уходъ за деревьями, существующими и посаженными въ „день деревьевъ“ (праздникъ древонасажденія), чѣмъ постоянно убирать ихъ вонъ и сажать новыя деревья. Дерево быстро поддается уходу и тогда само защищается противъ вредныхъ насѣкомыхъ, которыя появляются при оплодотвореніи, защищается противъ молніи и въ другихъ отношеніяхъ становится совершеннѣе и цѣннѣе, почему такая „работа поистинѣ достойна одобренія“.

Тѣмъ изъ читателей, которые захотѣли бы ухаживать за деревьями въ городскихъ квартирахъ, я бы посовѣтовалъ посадку и разведеніе вербы, тополя, апельсиновъ, лимоновъ, винограда, яблонь, вишенъ. Вербы и тополи лучше всего разводить весною, сажая отломанные вѣточки и черенки; однако, раньше, чѣмъ сажать ихъ въ горшки или деревянные ящики, полезно недѣли двѣ, а иногда больше мѣсяца продержать въ банкахъ съ чистою водою, пока эти вѣточки не выпустятъ тонкихъ и нѣжныхъ корешковъ. Внизу горшка отверстіе покрываютъ плоскимъ камешкомъ или кирпичикомъ, насыпаютъ слой земли вершка въ два, ставятъ растеніе посерединѣ и, осторожно, придерживая его руками, подсыпаютъ остальную землю, которую не надо усиленно уминать,—иначе вода не будетъ при поливкѣ проходить донизу.

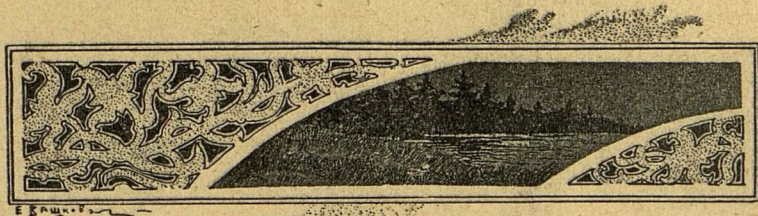
Виноградъ разводятъ изъ предварительно высушенныхъ косточекъ; онъ очень скоро разрастается, если его стебелекъ подпереть на тоненькую ниточку. Очень красивы окна, покрытыя виноградными листьями, особенно же зимою.

Апельсины разныхъ сортовъ, лимоны, вишни, яблони также вырастаютъ изъ косточекъ; растутъ они гораздо медленнѣе, чѣмъ виноградъ, и сажать ихъ можно и осенью.

Лучше сажать нѣсколько косточекъ, такъ какъ не всѣ онѣ даютъ ростки. Косточекъ, конечно, не добывать-стать, стоитъ лишь сохранять ихъ отъ десерта.

Л. Мищенко.

Отливка изъ гипса и металла.

Каждый изъ нашихъ читателей, несомнѣнно, неоднократно видѣлъ бронзовыя и гипсовыя статуэтки, но не многіе, конечно, знаютъ, какъ онѣ приготовляются, а между тѣмъ это очень интересно и вполне возможно самимъ заняться отливкой такихъ вещей.

Отливка изъ металла была извѣстна въ глубокой древности, она состоитъ въ томъ, что съ модели, приготовленной художникомъ, снимается форма, которая затѣмъ наполняется расплавленнымъ металломъ или гипсомъ.

Такія формы дѣлаются изъ разнообразныхъ матеріаловъ: гипсовыя, земляныя, глиняныя, смотря по характеру металла, изъ котораго должна быть отлита статуя.

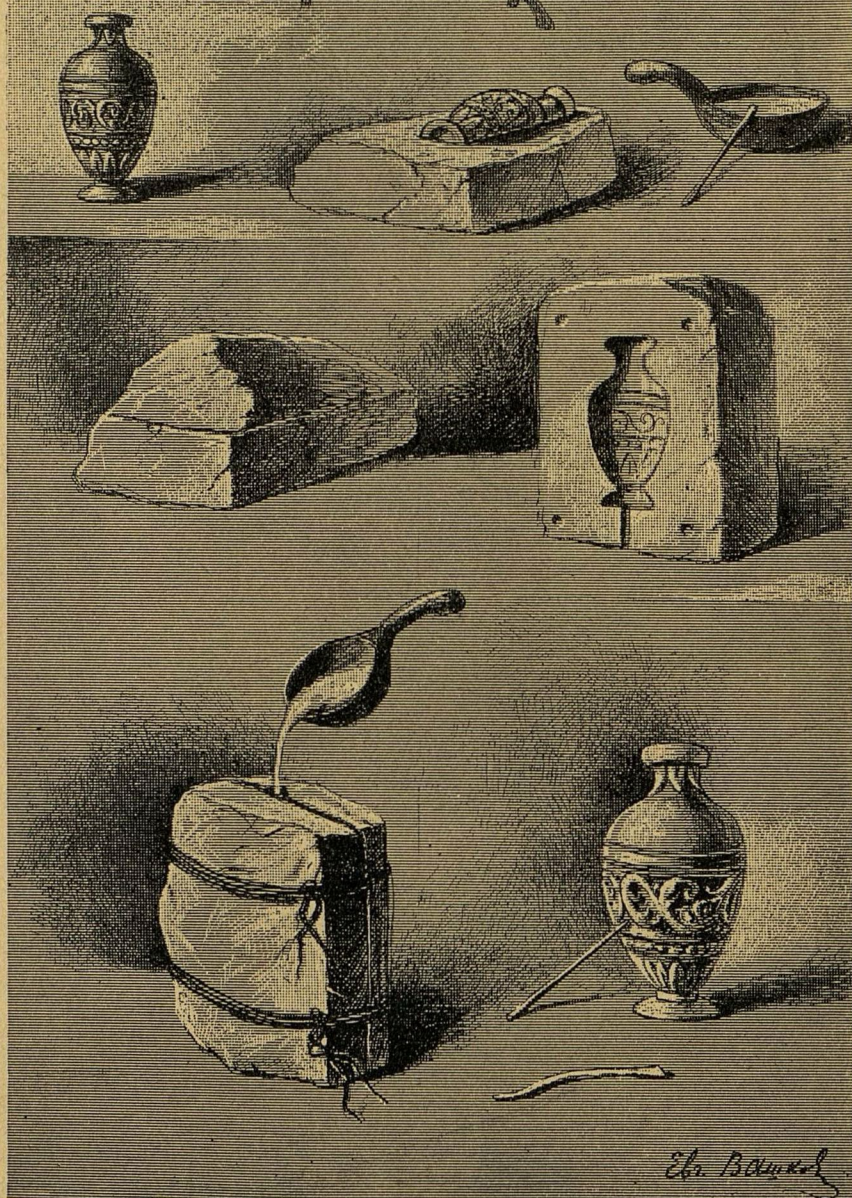
Въ этомъ очеркѣ мы познакомимъ нашихъ читателей съ отливкой изъ гипса и легкоплавкаго металла Розе.

Прежде всего намъ нужно научиться снимать форму; для этого возьмемъ какой нибудь предметъ, напримѣръ, вазочку, которая употребляется для раскраски эмалевыми красками. (См. фиг. 1).

Если подъ руками нѣтъ такой вазочки, ее можно замѣнить пьедесталомъ лампы, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ, нужно только выбрать такой предметъ, у котораго бы не было слишкомъ выдающихся частей, напримѣръ, ручекъ и проч., такъ какъ въ такомъ случаѣ форма должна быть *кусковой*, т. е. состоящей изъ нѣсколькихъ частей, а приготовленіе такихъ формъ для перваго опыта довольно трудно.

Итакъ, предположимъ, что мы остановились на вазочкѣ. Вытеревъ ее сухой тряпкой, смажемъ ее бока подсолнечнымъ масломъ и

Глинка

займемся приготовленіемъ гипсовой массы. Въ деревянный ковшъ или банку насыпаютъ достаточное количество сухого гипса, въ который затѣмъ постепенно подливаютъ холодной воды, аккуратно размѣшивая, чтобы не было комковъ.

Когда гипсъ приметъ видъ густой сметаны, выливаютъ на смазанную масломъ деревянную доску, затѣмъ берутъ вазу и втискиваютъ ее наполовину въ приготовленную массу, какъ показано на фигурѣ 2.

Не давая гипсу засохнуть, поверхность массы сравниваютъ деревянной лопаткой, которой также снимаютъ приставшіе кусочки гипса съ самой вазы.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по краямъ дѣлаютъ круглыя впадинки, и вновь все, т. е. вазу и поверхность гипсовой массы, смазываютъ масломъ. Послѣ этого гипсъ разводится снова и выливается на приготовленную форму, такъ чтобы онъ со всѣхъ сторонъ закрылъ вазу довольно толстымъ слоемъ (см. фиг. 3).

Наша форма готова, дадимъ сохнуть гипсу минутъ пять и, соблюдая осторожность, снимемъ верхнюю часть. Такимъ образомъ у насъ получатся двѣ крышки съ вдавленными внутрь половинками вазы. (см. рис. 4).

Внизу, гдѣ кончается основаніе вазы, на обѣихъ крышкахъ сдѣлаемъ при помощи перочиннаго ножа желобокъ, который долженъ служить каналомъ для наливація туда гипса или металла.

Затѣмъ обѣ крышки густо смазываются масломъ, соединяются вмѣстѣ и связываются крѣпко бичевкой. Форма ставится на столъ отверстіемъ кверху, въ которое и наливаютъ приготовленную вновь гипсовую массу или расплавленный металлъ (см. фиг. 5).

По мѣрѣ того, какъ гипсъ или металлъ будетъ наливаться въ форму, она слегка трясется, чтобы масса плотнѣе прилегала къ стѣнкамъ и не появлялись воздушные пузырьки.

Когда форма будетъ наполнена доверху, оставимъ ее минутъ на 5—6 въ покойномъ положеніи и, затѣмъ, развязавъ веревки, откроемъ крышки и мы увидимъ что у насъ получилась точно такая-же ваза, какъ и та, которая служила намъ моделью.

Теперь остается только отдѣлочная работа. Она состоитъ въ томъ, чтобы желѣзной полоской, называемой *стекой*, или просто пе-

рочиннымъ ножемъ сгладить *швы*, которые получились въ мѣстахъ соединенія частей формы (см. рис. 6).

Вмѣсто гипса для отливки можно употреблять легкоплавкій металл Розе, состоящій изъ 8 частей олова, 8 частей свинца и 8 частей висмута.

Моделью для отливки могутъ служить любые предметы съ плоскимъ украшеніемъ, можно даже отформовать свою собственную руку, предварительно смазавъ ее масломъ.

При этомъ номерѣ разсылается объявленіе художественной мастерской увеличенія портретовъ „Золотое Руно“.

Открыта подписка на **1909** годъ
(3. годъ изданія).

ДѢТСКІЙ МІРЪ

Журналъ для дѣтей
9-12 лѣтняго возраста.

Въ 1909 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ, какъ и въ прежніе годы.

ОБЪЕМЪ ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧЕНЪ.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

<p>24 книжки журнала, содержащихъ повѣсти, рассказы, стихотворенія, популярно-образов. статьи, біографіи, музыкальн. произведенія, обзоры дѣтской литературы, занятія и работы, загадки, ребусы и пр. Журналъ иллюстр. рисунками лучшихъ русскихъ художниковъ.</p>	<p>6 кн. соч. Сельмы Лагерлефъ.</p> <p>6 кн. соч. Жака Лондона.</p> <p>10 пятинлав. альбомъ для роля Цезаря Кюи.</p>
---	--

12 книгъ иллюстриров. **Энциклопедич. Словаря для дѣтей и юношества**

необходимого справочнаго изданія, охватывающаго собой все дѣтское міросозерцаніе. Предлагаемый словарь является первой попыткой создать для дѣтей возможность самостоятельно ориентироваться во всѣхъ явленіяхъ природы и культуры.

Подписная цѣна въ годъ **3** руб. Допускается разсрочка. Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Малая Лубянка, № 20, телеф. 15-03, въ книжн. маг. „Образованіе“, Москва, Кузнецкій мостъ, въ конторѣ Печковской, Москва, Петровский дворъ и въ друг. книжныхъ магазинахъ.

Иллюстрированные просянты по требованію бесплатно.

Редакторъ-Издатель Н. И. ФИДЕЛЛИ.

Типо-Литографія Ю. Венеръ пресмн. О. Фалькъ.
Петровка, Рахмановскій пер., д. Грачева.

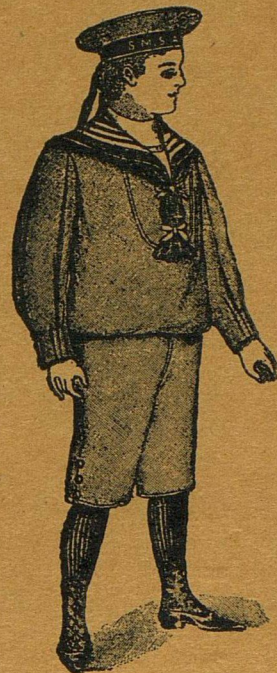
Редакторъ-издатель
Н. И. Фиделли.

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

Т-ГО Д-МЯ

Русаков и Попов
МОСКВА,

Кузнецкій пер., (близъ Петровки), домъ Горчакова, 4 — 17.

Иллюстрированныя прейс-куранты бесплатно.

Требуйте вездѣ.

Ч а й

Требуйте вездѣ.

„Т-ВА КАРАВАНЪ“

Правленіе въ Москвѣ, Варварка, домъ Страхов. О-ва „Якорь“.

Телефонъ Правленія № 43-21.

Телефонъ отдѣленія приѣма заказовъ № 28-66.

Развѣска чая производится

въ ГРОДАХЪ:

Москвѣ, Одессѣ, Уфѣ, Самаркандѣ и Томскѣ.

Розничные магазины въ Москвѣ:

1) Арбатскія ворота.	6) Тверская-Ямская.
2) Охотный рядъ.	7) Долгоруковская.
3) Мясницкая.	8) Серпуховскія ворота.
4) Смоленскій рынокъ.	9) Рогожская.
5) Срѣтенка.	10) Покровка.

Оптовые склады имѣются въ городахъ:

Архангельскѣ, Астрахани, Варшавѣ, Вильнѣ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Киевѣ, Кокандѣ, Нижнемъ - Новгородѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Перми, Ригѣ, Ростовѣ н/Дону, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, С.-Петербургѣ, Семипалатинскѣ, Тифлисѣ, Томскѣ, Уральскѣ, Уфѣ и Харьковѣ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

въ Даниловѣ, Иваново - Вознесенскѣ, Самарѣ, Саратовѣ, Ташкентѣ и Ярославлѣ.

Особенно рекомендуются чаи №№ 50, 51, 52 и 53
подъ названіемъ „ЛЮБИТЕЛЬСКІЕ“.